

Л. Б. Макеева

АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ,
ЕЕ ИСТОРИЯ И КАНТ

Рассматриваются современные дискуссии относительно истории аналитической философии, критериев ее выделения как философского направления и ее современного статуса. Подчеркивается, что для понимания аналитической философии важно учитывать ее амбивалентное отношение к философии Канта.

The paper is devoted to the contemporary discussions about the history of analytic philosophy, the criteria of its distinguishing as a philosophical movement and its present status. It is emphasized that its ambivalent attitude to Kant's philosophy is important for understanding the character of analytic philosophy.

Ключевые слова: аналитическая философия, история философии, анализ языка, лингвистический поворот, философия Канта.

Key words: analytic philosophy, history of philosophy, analysis of language, linguistic turn, Kant's philosophy.

Последние два десятилетия отмечены небывалым интересом аналитических философов к своей собственной истории. Обращаясь к истокам этого философского движения, прослеживая основные тенденции в его развитии, осмысливая произошедшие с ним за уже более чем столетний период существования изменения, исследователи прежде всего стремятся ответить на вопрос — так что же такое аналитическая философия? Что же есть общего у всех тех, кого обычно причисляют к аналитическим философам?

Этот интерес далеко не случаен, и связан он с современным состоянием аналитической философии, которое, по словам одного автора, отличается «беспрецедентным сочетанием триумфа и кризиса» [8, р. 1]. С одной стороны, ни в прошлом, ни в настоящем нельзя найти философского течения, сопоставимого по своей масштабности с современной аналитической философией, которая демонстрирует безусловное доминирование практически во всех англоязычных странах (США, Великобритании, Австралии и др.) и странах Скандинавии. В последние го-

ды наблюдается проникновение ее влияния даже в такие форпосты ее непримиримых противников, как Франция и Германия. И хотя ее сторонники в этих странах скорее включены в диалог со своими зарубежными коллегами-аналитиками, чем с соотечественниками, тем не менее «лед тронулся». К этому нужно добавить, что немало приверженцев этого философского течения есть в Латинской Америке и Азии; не является исключением и Россия. Поэтому нет ничего удивительного в том, что сегодня аналитическую философию, как правило, противопоставляют не какому-то отдельному направлению современной западной мысли, скажем феноменологии или герменевтике, а всей их совокупности под общим названием «континентальная философия», поскольку только все вместе они могут составить ей реальную «конкуренцию».

С другой стороны, наряду с таким «триумфальным шествием» аналитической философии по миру, многие исследователи отмечают в нынешнем ее состоянии признаки серьезного кризиса. К ним прежде всего относят крайнюю разнородность идей, теорий, установок, методов, объединяемых сегодня под именем «аналитическая философия»; отказ от многих принципов, которые на начальных этапах этого движения составляли его философское кредо, но в последующем были признаны ошибочными; отсутствие каких-либо ясных ориентиров и представлений о том, в каком направлении следует двигаться дальше; неспособность дать адекватный ответ на важнейшие вызовы времени и др.

Литература, в которой осуществляется историко-философское осмысление феномена аналитической философии, поистине велика и разнообразна — и по своим теоретическим и методологическим установкам, и по своим оценкам и выводам. Вместе с тем если отбросить в сторону несущественные детали, то все эти работы тяготеют к одному из двух основных полюсов — двух основных подходов к написанию истории аналитической философии, о которых и пойдет речь дальше. Безусловно, никакой четкой границы между сторонниками этих двух подходов провести нельзя, однако некоторые историки аналитического направления столь непримиримы и категоричны в своей взаимной критике, что есть основания считать их принадлежащими к очень разным подходам.

В число сторонников первого подхода входят в основном аналитические философы, для которых историко-философские исследования не являются преимущественным занятием. Как правило, они работают в той или иной области теоретической философии — философии языка, эпистемологии, философии сознания, логике и т.п. Формирование этого подхода связывают с именем британского философа М. Даммита¹, который, опираясь на свои фундаментальные исследования философских и логических идей Г. Фреге, опубликовал в 1993 году книгу «Истоки аналитической философии», в которой представил свое понимание природы и происхождения этого философского течения. С точки зрения Даммита, аналитическую философию нужно определять как «постфрегевскую», а ее отличии-

---

¹ Следует отметить, что до Даммита попытку дать не историко-философский, а концептуальный ответ на вопрос о том, что отличает аналитическую философию, попытался Дж. Коэн в своей книге «Диалог разума: анализ аналитической философии». С его точки зрения, ее отличительная особенность заключается в способе постановки проблем, т.е. проблемы, интересующие аналитических философов, носят нормативный характер и связаны с анализом оснований и рациональной приемлемости различных утверждений, процедур, методов и т.д. [7].

тельной особенностью следует признать «убеждение в том, что, во-первых, философского понимания мышления можно достичь посредством философского осмысления языка и, во-вторых, только таким образом можно достичь исчерпывающего понимания мышления» [9, р. 4], поэтому эта философия родилась, когда произошел «лингвистический поворот», и первым произведением, в котором можно усмотреть признаки такого «поворота», Даммит считает «Основания арифметики» (1884) Фреге.

Хотя Даммиту удалось убедить многих своих коллег в том, что в аналитической традиции философия языка образует фундамент всей философии, нашлось и немало таких исследователей, которые подвергли его позиции массивным атакам. Можно сказать, что второй из упомянутых нами подходов сложился на волне критики Даммита, но о нем речь пойдет позже, а пока стоит заметить, что в число приверженцев первого подхода следует включить также С. Сомса, опубликовавшего в 2003 году солидный двухтомник «Философский анализ в двадцатом столетии» [23], А. Стролла, выпустившего в 2000 году книгу «Аналитическая философия двадцатого столетия» [25], а также Д. Фоллсдала, Дж. Серла и многих других.

Рассматриваемый подход к историко-философскому осмыслению аналитической философии можно охарактеризовать как традиционный по двум причинам. Во-первых, этот подход по духу не изменяет отношения к истории философии, которое сложилось в рамках аналитической традиции и за которое ее представителей часто обвиняли в анахронизме и даже историофобии. Безусловно, в мировой философии можно найти немало случаев пренебрежительного отношения к истории философии и до возникновения аналитической философии. Так, скажем, Кант в «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике» писал, что задача историков философии — «известить мир» о том, что совершено подлинными философами, которые «черпают из источников самого разума». Постоянно напоминая философу о невозможности сказать что-либо такое, что еще не было бы кем-то сказано раньше, историк оказывает ему плохую услугу, отвращая от стремления к новым свершениям, поэтому, начиная работу, философ должен отвлечься от прошлых учений и «признать все до сих пор сделанное несделанным» [4, с. 69]. Однако у аналитических философов это предубежденное отношение выросло до прямого противопоставления «настоящих» философов и историков философии: первые занимаются исследованием философских проблем, осуществляют поиск новых решений, иными словами, стремятся к установлению философских истин, тогда как вторые не способны к самостоятельному философствованию, ими движет не стремление к истине, а любовь к «древностям». Часто подобное отношение к истории философии оправдывалось тем, что по большей части в ней нельзя ничего найти, кроме ошибок и заблуждений. Между тем в своих работах аналитические философы обращались (и это неизбежно в силу специфики философского исследования) к идеям своих предшественников, но и здесь они стремились подчеркнуть, что обращаются к ним как философы, а не как историки философии², имея в виду, что воспринимают их как своих

---

² Так, Г. Х. Прайс в своей книге «Теория внешнего мира Юма» пишет: «Мои заметки адресованы тем, кто пишет о нем (о Юме. — Л. М.), как философ, а не как простой историк философской литературы, тем, кто задается вопросом о том, какое значение имеют выдвинутые им положения, являются ли они истинными или ложными и какие следствия вытекают из них. Мне нечего сказать тем, кого интересует исторический генезис его мнений» [18, р. 3].

современников и коллег, которые заслужили право быть услышанными, поскольку предложили хорошую формулировку той или иной проблемы либо нашли решение, достойное внимания. Относясь к философии как к вневременному диалогу разума, они в своем анализе взглядов философов прошлого главным образом использовали метод теоретической, или рациональной, реконструкции, вовсе не заботясь об аутентичной интерпретации, поскольку полагали, что мы можем только в той мере понять эти взгляды, в какой нам удастся ясным современным языком их изложить, какие проблемы стояли перед этими философами, какие из этих проблем до сих пор сохраняют свою значимость и какой вклад они внесли в их решение.

По сути, сторонники рассматриваемого нами подхода применяют тот же метод теоретической реконструкции и к истории аналитической философии. Именно этот метод и является объектом бесчисленных нападков со стороны их более историко-ориентированных противников, не упускающих случая показать, что, скажем, лингвистический поворот, связываемый Даммитом с началом аналитической философии, произошел значительно позже, поэтому давать лингвистическую трактовку идеям, закладываемым Расселом или Муром в основание создаваемой ими новой философии, — значит грубо навязывать им взгляды, которых они не могли иметь, если учесть исторический и теоретический контекст их творчества в тот период.

Впрочем, ожесточенную критику вызывает не только склонность Даммита, Сомса и их сторонников к использованию теоретических реконструкций, но и то, что они сохраняют, пусть и с определенными оговорками, верность тому пониманию аналитической философии, которого, не особенно рефлексируя над этим, придерживались многие поколения философов-аналитиков. В этом состоит вторая причина, почему рассматриваемый подход можно охарактеризовать как традиционный (или, как предпочитают говорить некоторые его критики, апологетический). Упомянутое понимание нашло отражение и в тех работах, посвященных аналитической философии, которые все-таки появлялись и до 1990-х годов. Здесь стоит упомянуть «Философский анализ» Дж. Урмсона (1956), «Английскую философию с 1900 года» Дж. Уорнока (1958), сборник «Революция в философии» (1963), содержащий статьи Г. Райла, П. Стросона и А. Дж. Айера, а также сюда, видимо, стоит отнести и книгу последнего «Философия в двадцатом столетии» (1982). Перечисленные авторы не видели каких-либо затруднений в том, как следует очерчивать границы аналитической философии и что считать ее адекватной характеристикой. У них нет разногласий относительно ее истоков и основных представителей. По их мнению, силой, скрепляющей аналитическую философию в единое направление мысли, служит общее признание анализа языка в качестве единственного законного или, по крайней мере, наиважнейшего метода философствования. Как отмечал, к примеру, А. Пап, несмотря на значительные различия между аналитическими философами, «единодушное использование аналитического метода как мощного инструмента критики имеет тенденцию сглаживать эти различия» [16, p. ix].

Безусловно, традиционно настроенные историки аналитической философии не разделяют уже безмятежной уверенности своих предшественников в том, как можно отличить эту традицию мысли от других течений и школ. Во второй половине XX века с ней произошли столь кардинальные изменения, что при их описании часто используют слово «поворот»: «ме-

тафизический поворот» (реабилитация онтологических и метафизических исследований), «прагматистский поворот» (переход от атомистических концепций в эпистемологии, философии языка и онтологии к холизму), «когнитивный поворот» (отказ от отождествления мышления и языка) и, наконец, «историко-философский поворот» (возрождение интереса к истории философии). Аналитическая философия в полной мере продемонстрировала свою гетерогенность не только в доктринальном, но и в методологическом плане. Применяемые в ней техники анализа оказались столь разнообразными, что ни о каком едином методе говорить было нельзя. Если же пытаться описать этот метод в самых общих чертах, то тогда не получается отличить его от видов анализа, используемых многими философами задолго до возникновения аналитической философии.

Традиционно настроенные историки по-разному пытаются выйти из этого затруднения. Одни, как, например, Д. Фоллесдал, видят своеобразие аналитической философии в ее приверженности обоснованию и аргументации (в отличие, скажем, от основанной на риторике философии Хайдеггера и Деррида) и готовы признать в качестве аналитических философов Аристотеля, Декарта и, возможно, даже Фому Аквинского [10]. Другие вообще воздерживаются от каких-либо определений аналитической философии. Так, Сомс в упоминавшейся уже работе «Философский анализ в двадцатом столетии» характеризует ее просто как «шлейф влияния», начавшийся с Мура, Рассела и Витгенштейна и накрывший собой определенную область современной философии [23, vol. 1, p. xii]. Таким образом, получается, что аналитическую философию скрепляют лишь генетические связи с рядом философов начала XX века. Третьи видят выход из затруднения в использовании при определении аналитической философии идеи семейного сходства. Так, согласно А. Строллу, «трудно дать точное определение «аналитической философии», поскольку она представляет собой не столько особое учение, сколько свободную конкатенацию подходов к решению проблем» [25, p. 5]. При этом общим для всех перечисленных философов является то, что они вовсе не склонны драматизировать ситуацию — они не видят ничего опасного для аналитической философии в том, что из-за неоднородности и разнообразности ее исторических и современных форм не удается дать ей однозначного определения. Трудно сказать, стоит ли за этим характерное для аналитических философов предубеждение против деления философии на школы и направления³ или же в этом заключается понимание того, что историко-философские определения носят, как правило, условный характер. В любом случае сторонники рассматриваемого подхода к истории аналитической философии не этим объясняют ее современное кризисное состояние; более того, некоторые из них вообще не склонны говорить о кризисе. Если же кризис все-таки признается, то его причины видят в утрате аналитической философией «жизненной силы» в ходе ее превращения из «революционного движения» в «философский истеблишмент». Так, согласно Дж. Серлу, если учесть, что аналитическая философия — это «постоянное требование рациональности, разумности, ясности, строгости и самокритичности», то «вряд ли она

---

³ Очень категорично это отношение выразил Г. Райл: «В философии нет места для «измов». Предполагаемые партийные разногласия никогда не являются важными философскими вопросами, и причислять себя к признанной партии — значит быть рабом нефилософских предрассудков в отношении (обычно нефилософского) символа веры» [21, p. 153–154].

может бесконечно сохранять успех просто потому, что эти требования являются слишком высокой ценой для многих людей» [22, р. 24].

Совсем иначе оценивают кризисное состояние аналитической философии сторонники второго подхода, который вслед за А. Престоном будем называть «историей новой волны» [17, р. 15]. К числу наиболее известных его приверженцев следует отнести Р. Монка, П. Хакера, Н. Гриффина, П. Хилтона, Г.-Й. Глока, преимущественно занимающихся историко-философскими исследованиями. Поскольку, как уже отмечалось выше, этот подход возник как реакция⁴ на традиционное для аналитических философов понимание собственной истории, и прежде всего на то, как оно было выражено в работах Даммита, его сторонники в вопросе о том, как следует писать историю философии, занимают совершенно иные позиции. В их работах нет и намека на пренебрежительное отношение к истории философии; наоборот, подчеркивается неразрывная связь между философией и ее историей: изучение идей предшественников представляет собой необходимое условие не только для становления философа, но и для всего его творчества. Один из авторов этого направления в ответ на известное высказывание Куайна о том, что люди, интересующиеся философией, бывают двух типов: первые интересуются философией, а вторые — историей философии, заметил, что «есть два вида философов — те, которые интересуются историей философии, и те, кому это следовало бы делать» [12, р. vii]. Поэтому в представлении «историков новой волны» главная задача историка философии — воспринимать изучаемых им философов прошлого в духовно-историческом контексте их времени, стремясь при переводе их идей на современный язык (без чего недостижимо понимание) к максимально возможной точности. Я думаю, нет необходимости подробно останавливаться здесь на общей характеристике этого подхода, поскольку он нам хорошо знаком по нашей отечественной философской историографии.

Безусловно, исследования «историков новой волны» способствовали углублению нашего понимания развития аналитической философии в XX веке, однако в своем стремлении опровергнуть традиционный подход они порой приходили к очень «радикальным» выводам. В рамках этого подхода предпринималось немало усилий для доказательства того, что ни одно из традиционных определений аналитической философии не работает. Так, Р. Монк показал, что если принять определение Даммита, то даже Рассела нельзя признать аналитическим философом [14, р. 36], не говоря уже о Муре. Из исследований П. Хакера такой же вывод можно сделать и в отношении Фреге [11, р. 52]. Если же в качестве критерия взять приверженность методу анализа, то тогда, согласно Р. Монку, к аналитическим философам пришлось бы отнести Фреге, Рассела, Мейнонга и Гуссерля, а вот Витгенштейна нужно было из их числа исключить [14, р. 11]. Обстоятельное исследование по этой теме осуществил Г.-Й. Глок в своей книге «Что такое аналитическая философия?». Составив список разных типов определений аналитической философии (доктринальных, тематических, методологических, стилистических, генетических и т.п.), он последовательно показал, что все они не позволяют очертить ее границы. Это важные и интересные результаты, но вопрос в том, что они значат для самой аналити-

---

⁴ Историко-философские исследования в этом духе появлялись и раньше. К ним, видимо, можно отнести книги Дж. Пассмора «Сто лет философии» (1957) и «Современные философы» (1983), но их публикация не вызвала широкого обсуждения.

ческой философии. По мнению многих авторов, это означает утрату аналитической философией ее идентичности, а возможным последствием этого кризисного состояния является исчезновение ее как философского направления. Пробуждение интереса к собственной истории и достижение в результате этого исторического самосознания превращается, таким образом, в завершающий этап развития этого философского течения. Как говорил Г.-И. Глок, ссылаясь на известное изречение Гегеля о том, «сова Минервы вылетает в сумерки», «смерть вследствие исторического самосознания, возможно, не худший способ уйти» [8, р. 2]. Надо упомянуть, что заявления об исчезновении аналитической философии делались уже давно. Так, Р. Рорти еще в 1979 году писал в книге «Философия и зеркало природы», что философское течение под названием «аналитическая философия» прекратило свое существование [20, р. 172]. В таком же духе высказывался и Патнэм. Он даже отметил в качестве главной причины «летального исхода» аналитической философии провал грандиозного метафизического проекта открыть «строение Вселенной» [19, р. 3]. Однако в наши дни некоторые авторы, ссылаясь на историко-философские исследования, о которых шла речь выше, делают вывод не только о том, что аналитической философии больше нет, но и о том, что ее вообще не было, а была лишь ни на чем не основанная вера в ее существование. Называя аналитическую философию «иллюзией», А. Престон пишет: «...исследования по истории аналитической философии показали, что общепринятое представление о ней было просто маскировкой, которая позволила нефилософской группе в разнообразных географических регионах захватить доминирующее положение в академической философии, выдавая себя за философскую школу» [17, р. 30]. Справедливости ради следует добавить, что у такой радикальной позиции не так много сторонников.

Так кто же прав в этом споре? Какой кризис переживает современная аналитическая философия — утрату жизненной силы или утрату идентичности? Или то и другое одновременно? Вероятно, точку в этом споре может поставить только время. Но хотелось бы высказать критические соображения в адрес обеих трактовок кризиса аналитической философии и, отталкиваясь от них, определить, что важно учитывать при оценке нынешнего состояния этого философского направления в свете его истории.

Если относиться всерьез к метафоре «революция в философии», которую часто применяют к аналитической философии, то вроде бы нужно согласиться со сторонниками традиционного подхода в том, что это направление утратило свою жизненную силу, поскольку за этим стоит довольно банальная мысль о том, что любая революция, если она успешна, в конечном итоге утрачивает свой революционный дух и приобретает черты чего-то устойчивого, общепринятого, в рассматриваемом случае — черты «философского истеблишмента». Но эта же метафора может привести нас и к противоположному выводу. Дело в том, что не только создание новой — впоследствии названной аналитической — философии провозглашалось революцией, но и произошедшие в ходе ее эволюции кардинальные изменения («метафизический поворот» и т.п.) также оцениваются как революционные. И хотя в них обычно видят отход аналитических философов от своих прежних «революционных лозунгов», ничто не мешает нам, следуя все той же метафоре, усмотреть в них, наоборот, стремление философов-аналитиков оставаться верными своему революционному этосу. Стало быть, помимо того что мы имеем здесь уже не просто «революцию», а «перманентную революцию», вполне можно считать указанные кардинальные изменения проявлениями жизненной силы аналитической фило-

софии. Безусловно, метафоры играют важную роль в познании, и без них не обойтись, но, во-первых, не стоит идти у них на поводу. Во-вторых, нужно критически относиться не только к использованию метафор, но и иных познавательных инструментов при написании истории. Историки философии, как и их коллеги в любой другой области исторического изучения развития человеческой культуры, хорошо знают, насколько сложным, неоднозначным, а порой и спорным, является выделение тех или иных направлений, течений, школ и т.п. В этой сфере нет места для четких критериев и строго определенных границ. Какое бы философское направление мы ни взяли, даже такое, в котором истоком служит согласованная совокупность идей какого-то отдельного философа, мы почти всегда сталкиваемся с тем, что оно допускает разнообразные истолкования и оценивается как в той или иной степени неоднородное. А что уж говорить, если направление создавалось несколькими мыслителями, изначально принесшими в него разные идеи⁵; его неизбежно придется признать не только неоднородным, но, вероятно, даже и эклектичным. Поэтому невозможность найти что-то такое общее (в учении, проблематике, методологии и т.п.), что было бы характерно всем без исключения аналитическим философам и не было бы присуще ни одному неаналитическому философу, никоим образом не свидетельствует о кризисе идентичности, переживаемом аналитической философией, а говорит лишь о том, что некоторые исследователи требуют дать, по сути, явное определение тому, что определить таким образом нельзя (в силу специфичности самого предмета). Мы сталкиваемся здесь с той ситуацией, что сначала выдвигаются нереалистически завышенные требования к единству и однородности аналитической философии, а затем, когда выясняется, что эти требования не выполняются, делается вывод о том, что что-то не так с самой этой философией. Это известный ход, однако он вряд ли может служить нам подсказкой в понимании природы аналитической философии.

Значительно более ценные подсказки, на наш взгляд, можно найти в статье известного философа и логика Г. Х. фон Вригта «Аналитическая философия: историко-критический обзор» [2], опубликованной в 1993 году. Данная работа представляет интерес не только потому, что она во многом определила содержание и круг вопросов, обсуждаемых в последующих дискуссиях вокруг истоков и современного статуса аналитической философии, но и потому, что в ней выражена позиция, в которой преобладают крайности двух рассмотренных подходов и которая видится нам довольно взвешенной и объективной. В статье нашло отражение и глубокое уважение фон Вригта к аналитической философии как великой традиции мысли, и его серьезное беспокойство по поводу ее кризисного состояния, однако мы не найдем в ней ни крайностей апологетического восхваления, ни признаков стремления как можно быстрее похоронить это направление. И хотя фон Вригт также говорит о кризисе идентичности, с нашей точки зрения, значительно большую опасность для аналитической философии он усматривает в другом проявлении ее кризисного состояния, а именно в ее неспособности дать адекватный ответ на главные вызовы времени.

---

⁵ Хотя это очень распространенная ситуация, сошлось лишь на одно высказывание, прочитанное мной недавно в книге, посвященной истории прагматизма: «...философы, охватываемые термином «прагматизм», расходятся по ключевым и основным философским вопросам. У них нет согласия и относительно того, что такое прагматизм» [26, р. 2].

Говоря о ценных подсказках к пониманию аналитической философии, мы подразумевали следующее. Во-первых, фон Вригт напоминает нам о простой и очевидной мысли, против которой вряд ли кто-нибудь станет возражать, но которую часто упускают из виду те, кто спорит по поводу «определения» аналитической философии. Эта простая и очевидная мысль состоит в том, что хотя аналитическая философия объявила себя «революцией в философии» и всячески подчеркивала свой радикальный разрыв с прошлой философией, она «продолжает традиции европейского Просвещения». Как это ни удивительно, но, отвергая многое из прошлой философии, аналитическая философия сохранила в себе важные черты классической философии, унаследовав и развив ее основную проблематику и рационализм. Как отмечает отечественный историк философии А.Ф. Грязнов, «именно аналитическая философия в нашем столетии более, чем другая философская традиция, наследует идеи и принципы классического философствования. Она становится связующим звеном, обеспечивающим преемственность философского знания» [3, с. 40]. Поэтому если мы ставим перед собой задачу понять ее природу, очертить границы и оценить ее нынешнее состояние, нам следует взглянуть на нее в более широком контексте, соотнеся ее с прошлыми философскими традициями.

Во-вторых, фон Вригт высказывает ту замечательную мысль, что с самого начала в аналитической философии присутствовали противоборствующие тенденции, которые определяли ее развитие. Как он затем поясняет, что имеет в виду противоборство двух основных трактовок в понимании природы философии, однако, на наш взгляд, это верно и применительно ко многим другим аспектам аналитической философии. Возьмем, к примеру, отношение аналитических философов к метафизике. В книге [5] нами было показано, что одни аналитические философы восприняли провозглашенный ими радикальный разрыв с традиционной метафизикой как безоговорочный отказ от метафизики в любых ее формах, тогда как для других он означал создание метафизических теорий принципиально нового типа. Именно в построении новой метафизики видели свою задачу Б. Рассел, выдвинувший грандиозный метафизический проект, общие контуры которого были очерчены им в работе «Философия логического атомизма», и, безусловно, со значительными оговорками ранний Л. Витгенштейн, сформулировавший свой вариант логического атомизма в «Логико-философском трактате». И хотя аналитическое движение пережило тридцатилетний период (1920–1950) безраздельного господства антиметафизических настроений, когда философский климат в США и Англии определяли идеи логических эмпиристов, позднего Витгенштейна и философов обыденного языка, для которых устранение любой метафизики было краеугольным камнем их философских программ, затем усилиями прежде всего У. В. О. Куайна и П. Стросона метафизике был возвращен статус уважаемой философской дисциплины. Без учета этой внутренней коллизии трудно понять эволюцию аналитической философии в целом.

Еще более ярким примером противоборствующих тенденций в развитии аналитической философии, многое проясняющим в ее характере, на наш взгляд, является и изначально заложенное в ней амбивалентное отношение к философии Канта. Отношение между аналитической философией и учением великого немецкого мыслителя — тема далеко не новая; она обстоятельно исследована во многих ее аспектах и уже обросла внушительной библиографией. Свой вклад в ее изучение внесли и отечественные кантоведы (например: [1; 6]). Хочется подчеркнуть важность всех этих ис-

следований для создания общей картины развития аналитической философии и уяснения ее природы.

Хорошо известно, что аналитическая философия начиналась не только с резкой критики абсолютного идеализма, но и с категорического отвержения важных аспектов кантовского учения. Так, Фреге подверг беспощадной критике различные философские концепции математики, включая и кантовскую философию арифметики. Рассел продолжил эту критику, направив ее против философии геометрии Канта. Мур выступил с опровержением кантовского идеализма и кантовской теории суждения. Ранний Витгенштейн отверг кантовское положение о том, что логические и аналитические истины что-то говорят о мире, а стало быть, имеют значение. Карнап вместе с ранним Витгенштейном и Шликом приложили немало усилий, чтобы опровергнуть кантовское учение об априорных синтетических суждениях. Из более поздних аналитических философов нельзя не упомянуть Куайна, который поставил под вопрос саму правомерность проведения кантовского аналитико-синтетического и априорно-апостериорного различий. Это перечисление можно продолжить, но сказанного достаточно, чтобы понять, что спор с Кантом затрагивал глубинные основания аналитической философии. И хотя на первый взгляд исторически этот спор разрешился не в пользу немецкого философа (ибо «возникновение аналитической философии положило решительный конец столетнему доминированию кантианской философии в Европе» [12, р. 4]), это лишь одна сторона медали.

Не меньшего внимания заслуживает и тот известный факт, что, находясь в явной оппозиции к Канту, эти философы постоянно черпали у него те или иные идеи. Они не только использовали кантовскую терминологию, различения и способы постановки тех проблем, которыми они занимались, но и, как убедительно показал Р. Ханна в своей книге «Кант и основания аналитической философии», в поисках решений они часто неосознанно ориентировались на кантовский подход. Ярким примером проявления такой ориентации стало, на наш взгляд, и развитие аналитическими философами представлений о соотношении языка и реальности, некоторые из них даже были положены в основу создаваемой «аналитической» метафизики. Этот новый вид метафизики по замыслу должен был опираться лишь на надежные и ясно осознаваемые основания и не содержать пустых спекуляций. Не случайно, что такое основание они усмотрели в языке, который, с одной стороны, служит выражением и оформлением нашего мышления о реальности, а с другой стороны, будучи социальным инструментом коммуникации и имея публичный характер, допускает строгий и объективный анализ. В силу этого связь между языком и миром стала для них ключевой проблемой. Эта проблема была в центре внимания и тех философов, кто стремился построить свой вариант аналитической метафизики, ибо ее решение служило оправданием подобных построений, и тех, кто пытался развенчать метафизику во всех ее проявлениях.

Аналитические философы предложили разные решения данной проблемы, но все эти решения содержали в себе некую внутреннюю коллизию. Ведь если философы не обладают какой-то особой способностью, вроде интеллектуальной интуиции, открывающей им доступ к подлинному бытию, а аналитические философы такой способности не признают, то философия не может дать нам чего-то большего, чем ясное представление о понятиях, в которых мы мыслим о реальности и которые существуют в нашем

языке. Отсюда напрашивается вывод, что метафизик, рассматривающий реальность через «призму» языка, обречен иметь дело только с миром, изначально организованным и оформленным концептуальной схемой этого языка. Но если мы с таких позиций подходим к онтологическим исследованиям, то как мы можем претендовать на то, что созданная нами онтология — это описание реальности как таковой, а не просто результат «опрокидывания» концептуальной схемы нашего языка на мир, который сам по себе нам недоступен и в лучшем случае может постулироваться как нечто «нуоменальное»? Как показывает анализ моделей соотношения языка и реальности, предложенных в рамках аналитической философии, данная коллизия образует главный «нерв» развития аналитической метафизики. Она проявилась в противоборстве двух тенденций, свидетельствующем о диалоге «аналитических метафизиков» с Кантом.

Первая, которую можно обозначить как «лингвистическое кантианство», связана с признанием того, что язык, а стало быть, и мышление выступают одним из «факторов», формирующих мир, в котором мы живем: именно этот мир мы познаем, именно с ним вступаем в каузальное взаимодействие, именно о нем высказываем свои истинные суждения. Вторая тенденция выражает стремление аналитических метафизиков найти выход к объективной реальности как таковой и попытаться, учитывая всю сложность эпистемической ситуации, в которую помещены люди, ответить на вопрос, что же мы можем знать о независимом от нас в онтологическом плане мире и почему мы можем рассчитывать на такое знание [5]. Все это говорит в пользу общего вывода, а именно: «едва ли будет преувеличением сказать, что внутренней драмой аналитической философии от Фреге до Куайна и далее является ее столетняя любовь-ненависть с кантовской теоретической философией» [12, р. 11].

Отмеченное фон Вригтом наличие противоборствующих тенденций в развитии аналитической философии дает ключ, на наш взгляд, к еще одной ее удивительной особенности, связанной с тем, что в ее рамках можно отстаивать идеи, находящиеся в непримиримой оппозиции друг к другу. Так, дискуссии в философии сознания демонстрируют всю палитру возможных в этой области философских позиций: среди их участников можно найти и материалистов (в лице ряда физикалистов и натуралистов), и дуалистов (в лице нередукционных физикалистов и эмерджентистов), и идеалистов. Еще более наглядным свидетельством служит спор между реалистами и антиреалистами, поскольку сейчас терминами «реалист» и «антиреалист» охватываются сторонники и противники крайне разнообразных философских позиций — физикализма, верификационизма, номинализма, инструментализма, феноменализма и т.п. Возможно, эта особенность аналитической философии подрывает наше привычное представление о философском направлении или же указывает на неприменимость к ней этого понятия. Однако это уже тема для отдельного обстоятельного обсуждения.

Список литературы

1. Брюшинкин В.Н. Логика Канта и метафизика Стросона // Кантовский сборник. 2011. Вып. 3. С. 7–17.
2. Вригт Г.Х. фон. Аналитическая философия: историко-критический обзор / пер. с англ. Л.Б. Макеевой // Кантовский сборник. 2013. Вып. 1 (43). С. 78–89; 2 (44). С. 69–81.

3. Грязнов А. Ф. Феномен аналитической философии в западной культуре XX столетия // Вопросы философии. 1996. №4. С. 37–47.
4. Кант И. Собр. соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1.
5. Макеева Л. Б. Язык, онтология и реализм. М., 2011.
6. Чалый В. А. Питер Стросон об аналитическом, синтетическом и априорном // Радио.ru: электронный научный журнал. 2010. Вып. 3.
7. Cohen J. L. The dialogue of reason: an analysis of analytical philosophy. Oxford, 1986.
8. Glock H.-J. What is analytic philosophy? Cambridge, 2008.
9. Dummett M. Origins of analytic philosophy. L., 1993.
10. Føllesdal D. Analytic philosophy: what is it and why should one engage in it? // The Rise of Analytic Philosophy / ed. by H.-J. Glock. Oxford, 1997. P. 193–208.
11. Hacker P. The rise of twentieth century analytic philosophy // The Rise of Analytic Philosophy / ed. by H.-J. Glock. Oxford, 1997. P. 51–76.
12. Hanna R. Kant and the foundations of analytic philosophy. Oxford, 2001.
13. Kemp S. N. Commentary to Kant's "Critique of Pure Reason". 2nd edn. Atlantic Highlands, 1992.
14. Monk R. What is analytical philosophy? // Bertrand Russell and the origins of analytic philosophy / ed. by R. Monk, A. Palmer. Bristol, 1996. P. 1–23.
15. *Idem*. Was Russell an Analytic Philosopher? // The Rise of Analytic Philosophy / ed. by H.-J. Glock. Oxford, 1997. P. 35–50.
16. Pap A. Elements of analytical philosophy. N.Y., 1949.
17. Preston A. The implications of recent work in the history of analytic philosophy // Bertrand Russell Society Quarterly. 2005. № 125.
18. Price H. H. Hume's theory of the external world. Oxford, 1940.
19. Putnam H. Realism with a human face. Cambridge, 1990.
20. Rorty R. Philosophy and the mirror of nature. Princeton, 1979.
21. Ryle G. Taking sides in philosophy // Collected Essays. L., 1971. Vol. 2. P. 153–169.
22. Searle J. Contemporary philosophy in the United States // The Blackwell Companion to Philosophy / ed. N. Bunnin, E. P. Tsui-Lames. Oxford, 1996. P. 1–24.
23. Soames S. Philosophical analysis in the twentieth century. Princeton, 2003. Vol. 1, 2.
24. Story of analytic philosophy: plot and heroes / ed. by A. Biletzki, A. Matar. L., 1998.
25. Stroll A. Twentieth-century analytic philosophy. N.Y., 2000.
26. Talisse R. B., Scott F. A. Pragmatism: a guide for the perplexed. L., 2008.

References

1. Bryushinkin, V. N. 2011, Logika Kanta i metafizika Strosona [Kant's logic and metaphysics Strawson], *Kantovskiy sbornik*, no. 3, p. 7–17.
2. Wright, G. H. von, 2013, Analiticheskaja filosofija: istoriko-kriticheskij obzor [Analytical Philosophy: A Historico-Critical Survey], *Kantovskiy sbornik*, no. 1 (43), p. 78–89; no. 2 (44).
3. Grjaznov, A. F. 1996, Fenomen analiticheskoy filosofii v zapadnoj kul'ture XX stoletija [The phenomenon of analytic philosophy in the twentieth century Western culture], *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], no. 4, p. 37–47.
4. Kant, I. 1965, *Sobranie sochinenij v 6 tomah* [Works in 6 volumes], T. 4, Part. 1, Moscow.
5. Makeeva, L. B. 2011, *Jazyk, ontologija i realizm* [Language, ontology and realism], Moscow.
6. Chaly, V. A. 2010, Piter Stroson ob analiticheskom, sinteticheskom i apriornom [Peter Strawson on the analytical, synthetic and a priori], *Ratio.ru*, no. 3.
7. Cohen, J. L. 1986, *The dialogue of reason: an analysis of analytical philosophy*, Oxford.
8. Glock, H.-J. 2008, *What is analytic philosophy?* Cambridge.
9. Dummett, M. 1993, *Origins of analytic philosophy*, London.
10. Føllesdal, D. 1997, Analytic philosophy: what is it and why should one engage in it? In: Glock, H.-J. (ed.) *The Rise of Analytic Philosophy*, Oxford, p. 193–208.

11. Hacker, P. 1997, The rise of twentieth century analytic philosophy. In: Glock, H.-J. (ed.) *The Rise of Analytic Philosophy*, Oxford, p. 51 – 76.
12. Hanna, R. 2001, *Kant and the foundations of analytic philosophy*, Oxford.
13. Kemp, S.N. 1992, *Commentary to Kant's "Critique of Pure Reason"*, Atlantic Highlands.
14. Monk, R. 1996, What is analytical philosophy? In: Monk, R., Palmer, A. (eds.), *Bertrand Russell and the origins of analytic philosophy*, Bristol, p. 1 – 23.
15. Monk, R. 1997, Was Russell an Analytic Philosopher? In: Glock, H.-J. (ed.), *The Rise of Analytic Philosophy*, Oxford, p. 35 – 50.
16. Pap, A. 1949, *Elements of analytical philosophy*, N.Y.
17. Preston, A. 2005, The implications of recent work in the history of analytic philosophy, *Bertrand Russell Society Quarterly*, no. 125.
18. Price, H. H. 1940, *Hume's theory of the external world*, Oxford.
19. Putnam, H. 1990, *Realism with a human face*, Cambridge.
20. Rorty, R. 1979, *Philosophy and the mirror of nature*, Princeton.
21. Ryle, G. 1971, Taking sides in philosophy. In: Ryle, G. *Collected Essays*, Vol. 2., London, p. 153 – 169.
22. Searle, J. 1996, Contemporary philosophy in the United States. In: Bunnin, N., Tsui-Lames, E.P. (eds.), *The Blackwell Companion to Philosophy*, Oxford, p. 1 – 24.
23. Soames, S. 2003, *Philosophical analysis in the twentieth century*, Vol. 1, 2, Princeton.
24. Biletzki, A., Matar, A. (eds.), 1998, *Story of analytic philosophy: plot and heroes*, London.
25. Stroll, A. 2000, *Twentieth-century analytic philosophy*, N.Y.
26. Talisse, R. B., Scott, F. A. 2008, *Pragmatism: a guide for the perplexed*, London.

Об авторе

Лолита Брониславовна **Макеева** — д-р филос. наук, доц. кафедры онтологии, логики и теории познания факультета философии НИУ-ВШЭ, lmakeeva@hse.ru, l.makeeva@mail.ru

About the author

Prof. **Lolita Makeeva** — Ass. Prof., Department of Philosophy, Chair of Ontology, Logic and Epistemology, Higher School of Economics, lmakeeva@hse.ru, l.makeeva@mail.ru